

С.А. Минюрова
Екатеринбург

Современный подросток: открытие новых миров

Переход к подростковому возрасту можно легко определить по двум простым событиям в жизни ребенка: он начинает активно интересоваться музыкой и задумывается о значении слов. Эти события являются вершиной айсберга глубоких преобразований, происходящих с высшими психическими функциями.

Все жизненное пространство подростка начинает занимать музыка. Однажды родители замечают, что любимым телеканалом ребенка становится Муз-TV, во время передач типа "Золотой граммофон" все домочадцы должны разговаривать шепотом, а лучше вообще удалиться из комнаты, так как к телевизору подсоединен плеер, идет запись хитов. Лучшим подарком становятся музыкальные диски, постеры и календари с фото модных исполнителей, билеты на их концерты. Почему так происходит с каждым поколением подростков? Если внимательно присмотреться к растущему ребенку, то станет ясно, что музыка дарит ему эмоциональную разрядку, яркие телесные переживания, чувство освобождения и отключения от буден, ощущение легкости общения при вхождении в группу сверстников.

Музыка больших частот пользуется массовым спросом подростков. Благодаря экспрессивности, призывающей своим ритмом к движению, эта музыка позволяет подростку включиться в задаваемый ритм и через телесные движения выразить свои смутные переживания. В исследованиях выдающегося отечественного психолога Б.Г.Ананьева экспериментально установлено, что музыка выступает в качестве регулятора поведения: "Являясь знаками аффективных состояний, музыкальные произведения организуют поведение (в первую очередь аффекты), то, овладевая им, то, преодолевая его".

Обобщив многие исследования, другой видный психолог современности В.С. Мухина отмечает, что музыка оказывает глубокое влияние на физиологические реакции - усиливает метаболизм (обмен веществ), усиливает или уменьшает мускульную энергию, изменяет дыхание, меняет кровяное давление, дает физическую основу для эмоций. Музыка, и в частности музыкальный ритм, производит в организме физиологические изменения, которые подобны реакциям, происходящим при сильном волнении и аффектах.

Как писал И.П. Павлов, одна из способностей восприятия музыки - музыкально-ритмическое чувство, "способность активно (двигательно) переживать музыку, чувствовать эмоциональную выразительность музыкального ритма и точно воспроизводить его". Слушание музыки совершенно непосредственно сопровождается двигательными реакциями. В подростковой субкультуре эти реакции оформлены в определенные (современные) танцевальные движения. Чем отчетливее ритмы, тем более совпадают с ними танцевальные движения.

Подростки стремятся воспринимать музыку на пределе возможного, предпочитая, поп - и рок-музыку. Именно она как нельзя лучше погружает в зависимость от ритмов, высоты, силы, объединяет всех метаболическими ощущениями темных телесных функций и создает сложную гамму слуховых, телесных и социальных переживаний. При этом, чем более мощное психофизиологическое воздействие оказывает музыка, тем больший "кайф" получает погруженная в музыку масса подростков, тем в большей мере каждый подросток отрешается от самого себя. Появляется потребность во все более высоких частотах, приближающихся к ультразвуку.

Привыкание к высоким частотам, к выраженному ритму объясняется возникающей зависимостью психофизиологического и социального плана. Увлеченных рок-музыкой (рокеров) нередко сравнивают с наркоманами, так как они уже не могут отказаться от препровождения времени вне рок-музыки. Японские журналисты провели экспресс-исследование в крупнейших рок-залах Токио. Они произвольно задавали юной публике три вопроса: "Как вас зовут?", "Где вы находитесь?", "Какой теперь год?" Оказалось, что ни один из опрошенных не смог ответить на эти простые, обычные вопросы. Под воздействием музыки произошла потеря самоидентичности.

Наряду с массовым подростковым погружением в поп- и рок-музыку отдельные подростки склонны к восприятию классической музыки. Как указывал в своих исследованиях известный отечественный психолог Б.М. Теплов, это требует наличия трех основных музыкальных способностей.

Ладовое чувство - это способность эмоционально различать ладовые функции звуков мелодии или чувствовать эмоциональную выразительность звуковысотного движения. Ладовое чувство образует неразрывное единство с ощущением музыкальной высоты, отчлененной от тембра. Проявляется оно в восприятии, узнавании мелодии, в чувствительности к точности интонации. Наряду с чувством ритма ладовое чувство образует основу эмоциональной отзывчивости на музыку. В

детском возрасте характерное проявление этого чувства - любовь и интерес к слушанию музыки.

Способность к слуховому представлению - это способность произвольно пользоваться слуховыми представлениями, отражающими звуковысотное движение. Иначе ее можно назвать слуховым или репродуктивным компонентом музыкального слуха. Она образует основное ядро музыкальной памяти и музыкального воображения.

Музыкально-ритмическое чувство – это комплекс основных музыкальных способностей, которое образует ядро музыкального восприятия. Специальной способностью, сформированной на восприятии музыки, является музыкальный слух. В нем слиты в неразрывное целое восприятие высоты, силы, тембра, а также и более сложных элементов: фразировки, формы, ритма и т.д. Как писал один из классиков отечественной психологии С.Л. Рубинштейн: "Музыкальный слух в широком смысле слова выходит собственно не только за пределы ощущения, но и за пределы восприятия. Музыкальный слух, понимаемый как способность воспринимать и представлять музыкальные образы, неразрывно связан с образами памяти и воображения". Подросток, увлеченный слушанием музыки и включенный в исполнительскую музыкальную деятельность, погружен в развитие у себя музыкальных способностей: он стремится совершенствовать мелодический слух, ладовое чувство, стремится развить гармонический слух и способность к слуховым представлениям. Развивая внутренний слух, он погружается в поток музыкального воображения и испытывает глубокое духовное чувство.

Подростковое увлечение музыкой свидетельствует также о качественной перестройке способов переработки ребенком информации об окружающем мире, о новой стадии развития мышления. Ведь музыка является самым абстрактным из всех видов искусства. Проникнуть в ее структуру и прочувствовать созвучие мелодии собственным переживаниям может лишь человек, у которого есть ключик к пониманию абстракций, символически выраженных в звуке.

Врываясь в вихрь социальной жизни, в мир переживания человеческих страстей, открывая для себя чувственность и интимность, подросток обживает **собственный внутренний мир**, в котором благодаря воображению порождаются причудливые, таинственные, иногда очень смутные образы и символы, вбирающие субъективное отражение растущим человеком внешнего мира. В этих символах сливаются эмоции и интеллект, и потому они невероятно энергетичны. Мощный заряд образов воображения становится источником качественных изменений способностей подростка.

Как отмечает В.С. Мухина, подросток может проигрывать мыслительные задачи с математическими знаками, может оперировать значениями и смыслами языка, соединяя две высшие психические функции: воображение и мышление. В то же время подросток может строить свой воображаемый мир особых отношений с людьми, мир, в котором он проигрывает одни и те же сюжеты и переживает одни и те же чувства до тех пор, пока не изживет свои внутренние проблемы.

В реальном пространстве социального мира подросток зачастую застенчив, неловок, не уверен в себе. Порой это может зеркально трансформироваться в "дикие" выходки подросткового вандализма, в необузданное озорство и хулиганские выходки в общественных местах. Подросток пока не чувствует себя полноправным ответственным хозяином в социальных отношениях. Совсем другое дело - *сфера воображения*. Реальность пространства воображаемого мира субъективна - это только его реальность. Как пишет В.С. Мухина, подросток уже владеет действиями воображения, которые приносят ему удовлетворение: он властвует над временем, имеет свободную обратимость в пространстве, свободен от причинно-следственных связей существующих в реальном пространстве социальных отношений людей.

Свобода проживания во внутреннем, психологическом пространстве предполагает свободное построение сюжетной линии и свободный выбор желаемого места, где разворачиваются события воображаемой жизни. Это позволяет подростку не только планировать и проживать замыслы, повторяя их снова и снова, перестраивая сюжеты и чувства по своему хотению, но и дает возможность пережить напряжение действительных социальных отношений и испытать чувство релаксации, расслабления.

В отдельных случаях подростки, вкушившие удовольствие свободного полета воображения, могут попасть в западню созданной самим собой реальности. Происходит "съезжание" к стереотипному воспроизведению наработанных образов, знаковых шаблонов, сюжетов; "закостенение" самих образов и сюжетов, превращение их в стимулы, рефлекторно вызывающие эмоции; стремление закрыться от внешнего мира. Так, например, подросток, выстроивший в собственном воображении фантастический мир, в котором он является смелым и сильным Супер-Героем, участвующим в борьбе Добра и Зла, стремится в каждую свободную минуту "умчаться" в свою прекрасную фантазию. Но в реальной жизни он абсолютно пассивен, избегает какой бы то ни было физической нагрузки и всячески ограничивает контакты со сверстниками. Как отмечают психологи, в подобных случаях может таиться психологическая основа подросткового аутизма - погружения в мир

воображаемых переживаний с ослаблением контакта с действительностью, ухода от реальности, отсутствия стремления к общению с людьми - взрослыми и сверстниками.

Таким образом, подросток получает возможность вообразить все, что может случиться, - и очевидные, и недоступные восприятию события. Тем самым повышается вероятность того, что взрослеющий человек разберется и в действительно происходящем.

Подросток осваивает еще одну особую реальность, которая позволяет дистанцироваться от мира взрослых и войти в группу сверстников. Это *реальность сленга* - языковой игры, отхода от языковой нормы. Реальность маски, карнавала, "второй жизни", в которую взрослым вход воспрещен, в которую допускаются только "свои".

Как указывает В.С. Мухина, сленг - это потребность подростка в скрытой от официальной речевой культуры форме существования. Возникает особый тип общения, недопустимый в обычной жизни. Широко распространены такие перлы молодежной философии, как: "Круто!", "Клево!", "Все в кайф!", "А на фига?" и т.п. Здесь вырабатываются и особые формы сленговой речи, которые не только стирают межличностные дистанции между общающимися, но и в краткой форме выражают философию жизни. Каждая молодежная группировка имеет свой сленг, который отражает ее образ жизни и мироощущение.

В подростковой культуре помимо сленга появляется также мат. Использование матерных слов для подростка - это способ преодолеть социальные запреты на табуированные культурой слова. Подросток, использующий мат, чувствует себя освобожденным, поднявшимся из-под прессинга предопределенного контроля речи. Сегодня подростки пользуются матом не только в своих сообществах, но и, не стесняясь, в общественных местах. Причиной тому является, прежде всего, использование мата в обыденной жизни взрослыми носителями великого и могучего русского языка. Мат как явление языка обсуждается на страницах газет, звучит с экрана телевизора. Взрослое сообщество само пожинает плоды того, что сеет. Вряд ли эти семена являются тем, что принято называть "добрым и вечным".

Важной задачей родителей является способствование тому, чтобы подросток удержался на верхнем уровне речевой культуры. Подросток очень склонен в силу своих возрастных особенностей, ориентируясь на сверстников и кумиров, варьировать свою речь в зависимости от стиля общения и личности собеседника. Разговаривая с учителями, он старается удержаться на уровне стереотипов культуры. В общении с родителями зачастую допускает гораздо больше вольностей в использова-

нии лексики и стиля. А, входя в круг сверстников, незаметно для самого себя совсем легко соскальзывает на подростковый жаргон.

По-мнению В.С. Мухиной, с одной стороны, такое принятие словесного состава речи и стиля общения другого несет в себе возможность ориентировочного познания многообразных вариантов речи. Однако, с другой стороны, этот феномен речевого поведения подростка следует рассматривать как *возрастную речевую зависимость*. Эта социальная слабость подростка должна быть доведена до его сознания как некая возрастная несостоятельность.

Родителям важно помнить, что каждый собеседник выступает для подростка как носитель языка, предлагающий свой состав употребляемых слов, значений и смыслов. Подросток должен быть приучен к тому, чтобы отбирать для себя развивающее чтение, развивающие радио- и телевизионные программы, круг общения, в котором поддерживается высокий уровень речевой культуры.

Обучение в школе оказывается мощным фактором развития речи. Подросток интуитивно подходит к открытию того, что язык позволяет, во-первых, отражать окружающую действительность и, во-вторых, фиксировать определенный взгляд на мир. Развитие речи в подростковом возрасте идет, с одной стороны, за счет расширения богатства словаря, с другой - за счет усвоения множества значений, которые способен закодировать словарь родного языка.

"Как правильно написать?", "Как лучше сказать?" - эти вопросы задают себе и родителям многие подростки. Большинство подростков испытывает явные затруднения в письменной и устной речи. Однако это не означает, что они не знают родного языка. Если при написании слова или формулировании мысли подросток впадает в состояние глубокого торможения, то с восприятием чужой речи дело обстоит более обнадеживающе. Взрослеющий человек легко улавливает неправильные или нестандартные формы и обороты речи у своих учителей, родителей, находит нарушение правил речи в книгах, в средствах массовой информации. В этом случае подросток испытывает чувство юмора, которое снимает его напряжение от постоянного внимания к реалиям языка. Это же обстоятельство содействует пониманию того, что в обычной жизни люди часто нарушают правила речи.

Наблюдения показывают, что подросток, стремящийся к развитию своей речи, будет упорно обращаться к словарям и справочникам. Ему важно уточнить значение слова, его правильное произнесение, выяснить для себя вопросы стилистики. Именно при переходе в отрочество человек начинает чувствовать язык в его историческом движении. Подросток может дифференцировать обороты речи и формы языка,

свойственные прошедшему историческому времени, ставшие архаичными, мертвыми, стареющие произношения слов, а также улавливать неологизмы современного языка. Подростку предстоит вникнуть в культуру языка с ее сегодняшними правилами произнесения, орфографии и понимания значений и смыслов слов; он должен развить в себе чувство языка уже не на детском уровне, а на уровне современного культурного человека.

В школе, в процессе выполнения урочных заданий, требуется привлечение всего богатства и иерархической организации словаря, включение словесных обозначений в синтаксический контекст и т.п. Подросток производит эти операции уже без непосредственной наглядно воспринимаемой ситуации. По-мнению известного английского психолога Дж. Брунера, велика роль школы в формировании независимых, оторванных от непосредственной ситуации способов мышления, обусловленных отделением слова от обозначаемой вещи и повседневной действительности. Речевые знаки перестают восприниматься учениками как свойства обозначаемых вещей. Слово как знак позволяет отказаться от словесного реализма, что открывает путь для символических процессов, для мышления "в терминах возможного, а не действительного".

Те подростки, которые удерживаются на верхнем уровне речевого развития, проходят огромную дистанцию в мире культуры по сравнению со своими далеко отставшими сверстниками, постоянно использующими в общении сленг и жаргон. Эта пропасть может уже так никогда и не исчезнуть, разбросав взрослеющих людей в пространства разных социально-культурных статусов.

©Минюрова С.А., 2005